

Около десяти машинописных листов занимает простое перечисление его регалий. Кто-то подсчитал, что у него 25 орденов, 49 медалей, 47 званий и титулов, 39 докторских степеней, 10 почетных гражданств, 6 членств в академиях и 8 золотых ключей от городов, покоровшихся ему полностью. Во Французскую Академию Бессмертных, число которых никогда не увеличивается, а новые занимают место навсегда ушедших в бессмертие, он пришел на место скульптора Генри Мура. Его полагающуюся каждому Бессмертному шпагу венчает рукоять в форме виолончели, заканчивающейся миниатюрным земным шаром: шар вращается, и на нем при этом светится красный камушек, указывая то место, где он родился, — город Баку. Именно там появился на свет 27 марта 1927 года Мстислав Ростропович — «Гагарин виолончели», как пафосно называли его журналисты в 60-е годы, «маэстро Слава», как фамильно называют его журналисты наших дней. Казалось бы, о нем, таком откровенном и открытом, известно все и всем. О нем написаны музыкальные монографии, биографические книги и восторженные статьи. Как, впрочем, и статьи не слишком восторженные. Откуда они берутся? Просто Ростропович во всем остается Ростроповичем. Он программно естествен и при этом программно парадоксален. В нем спокойно уживаются «Защитник Свободной России», гордящийся своим внешним сходством с академиком Сахаровым, и — конформист, со вкусом обставляющий антиквариатом дома в Париже, Лондоне, Лозанне и под Вашингтоном; музыкант, серьезно заболевший, когда ему не давали выступать, и — немолодой мэтр, готовый отменить назначенный концерт ради того, чтобы на пару часов прилететь с другого конца света к избирательной урне; дирижер, заставивший Америку полюбить и выучить назубок великого Шостаковича, и музыкант, с легкостью называющий гениальными опусы Артемова и Уствольской. Весь мир для него — сцена. Иногда кажется, что роль музыканта — не главное, с таким жаром он добывает медицинское оборудование для детской больницы, спасает леса Амазонки вместе со Стингом и Элтоном Джоном или собственноручно уничтожает «пиратский» тираж своих записей. Правда, везде и всегда при этом он играет: со своей виолончелью он высаживался на лед в Арктике, шел горными тропами к повстанцам на Кубе, сидел на ступенях храма, где отпевали Андрея Тарковского. Ну, и Белый дом, конечно, в 91-м.

Ода Славе

Отца Яков - 1954 - 27 марта - 5 апр. - с. 10

«Я никогда никого не сужу строго», — часто повторяет он, гассируя. Это самый верный подход и к нему самому: вель непоколебимая уже ничем репутация и прочно зарифмованная с именем слава надежно охраняют его от любой критики, а лучше всех о себе и за себя говорит он сам. Итак, Ростропович о Ростроповиче.

Объяснение того, почему я играю на виолончели, весьма прозаично — только потому, что родители сызмальства заставляли меня заниматься игрой на этом инструменте. Виолончель я считаю женщиной. Я ее обнимаю, с ней делюсь, она иногда мне шепчет что-то тайное, иногда кричит на меня, простужается, даже кашляет при плохой погоде. У нее, безусловно, женский род. В 87-м году я с ужасом обнаружил, что во французском языке виолончель — мужского рода. Произноса речь при вступлении во Французскую Академию Бессмертных, я в ней попросил академиков пересмотреть род виолончели: ну что это за язык, где виолончель — мужчина, а контрабас — женщина?

Исполнитель в музыке — это человек, меняющийся, как хамелеон. Так что на вопросы о моих любимых композиторах и произведениях я никогда не отвечаю. Все, что я играю, я люблю до обморока. Должен любить. Наверное, не все, что я играю, замечательно. Но у меня на этот счет своя теория. Я считаю, что, если Бог не будет видеть, как я мучаюсь, он не пошлет мне хороших произведений. Поэтому на одно гениальное сочинение приходится пять-шесть, в которых я... немного страдаю.

За жизнь у меня никогда не было ощущения: все, достиг, подступился к вершине. Что бы я ни играл, что бы ни делал, всегда знаю, что можно это сделать лучше. Так, кирпичик за кирпичиком выстраивается свое здание, создается идеальная модель служения музыке. Учусь я у всех. Даже у студентов. Как-то на конкурсе имени Чайковского одна молодая виолончелистка исполняла концерт Шостаковича, написанный специально для меня, — я его всю жизнь играю. Играла она средненько, но в одном месте такую аппликацию придумала, до которой я за столько лет не додумался. Это я у нее, конечно, стащил моментально.

Была такая история: в Нью-Йорке один видный оркестрант попросил меня послушать своих сыновей. Приехал я на шикарную виллу. Хозяйка спрашивает: хочу я сперва поужинать или, наоборот, — послушать мальчиков. Интуиция у меня развита, и я предпочел поужинать, чтобы не лишать себя надежного удовольствия. После ужина два розовошеких мальчугана предстали передо мной. Им даже было лень повысить поднять скрипки. Мать меня спросила: ну как? Я ответил: если хотите их спасти, возьмите пал-

ку и побейте их, пусть они узнают, что на свете существуют несправедливость, горе и слезы — тогда у них, может, что-то получится...

Для полноты мироощущения человеку необходимы самые разные переживания. Но для меня наиболее плодотворна грусть. С весельем дело обстоит иначе — если мне весело, я наверняка играю хуже.

Политику я ненавижу. Просто у меня есть три великих дня: День Победы, конец путча и крушение Стены. Это не политические, а символические для меня вещи! Ведь когда меня выгнали, моя жизнь разделилась на две части, и первая была безвозвратно отсечена от второй. Когда я увидел по телевизору, что Стена рушится, я почти лишился чувств. В этот миг объединились обе мои жизни. Поэтому я на следующий же день сел в самолет и приехал к этому святому месту — поиграть и помолиться Богу в месте, где сливаются две мои жизни.

Я хочу побольше времени отдавать благотворительности в России и обещаю, что ни копейки, ни цента не увезу отсюда. Когда меня спрашивают про мои доходы, отвечаю: я — начинающий миллионер. Я меняю пот на пот: играю концерт — мучаюсь, потею, потом получаю за него деньги и обмениваю их на мучения и пот другого художника. Мы коллекционируем живопись, и нас с Вишневской любят подлаживать на аукционах, а потом сообщать в прессе, что и почему мы купили.

Как-то мы с Галей получили приглашение на встречу с Папой Павлом VI. И он мне сказал: у вас теперь только одна проблема в жизни! Это было вскоре после нашего вынужденного отъезда, я находился в крайне подавленном состоянии, не знал, в какой стране мы будем жить, как сложится судьба наша и наших детей, и вдруг оказалось, что у меня всего-то одна проблема. Я спросил: Ваше Святейшество, может быть, вы мне скажете, какая же? Он ответил: вы уже стоите не на земле, а на лестнице между землей и Богом, поэтому ваша проблема, что бы вы ни делали, — думать, сделаете вы сейчас шаг вверх по лестнице или шаг вниз. С тех пор, как я думаю об этой лестнице, жить мне довольно легко.

Гая уже давно достает меня писать мемуары. И я обязан это сделать — написать не о себе, а о великих людях, с которыми был знаком. Но, приближаясь к круглой дате, пока не могу об этом думать. А вот когда пальчики начнут задерживать свои реакции... Жизнь у меня расплывалась на много лет вперед. Толстой всегда добавлял, записывая свои планы, «с. б. ж.», что означало — «если буду жив». Я тоже добавляю эту фразу.

Записала Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

Человек-СИМВОЛ

В Париже, в отличие от Москвы, готовятся грандиозные празднества по случаю 70-летия Ростроповича. Разговору о юбилеаре с нашим послом во Франции, академиком Юрием РЫЖОВЫМ, давно с ним знакомым, предшествовала фраза: «Мне, технарю, бесполезно рассуждать о нем как музыканте...»

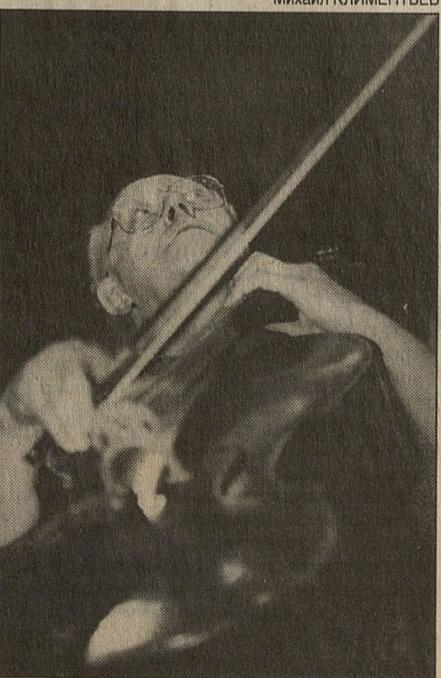
Не все обладают такой психологической и жизненной устойчивостью, как Слава. Наверное, если бы он стал не музыкантом, а, скажем, спортсменом, все равно был бы великим в своем деле. Потому что он велик духом. В спорте можно превосходить всех в мышечной массе, доходить до финала и все равно проигрывать — ко всему нужна еще колоссальная воля, за счет которой ты одолеешь любого соперника. Так вот, Ростропович — человек, всегда выигрывающий финалы.

У него абсолютная жизнестойкость и жизненность, которая помогала во всех невзгодах. Каким надо было обладать мужеством, чтобы, с таким трудом завоевав место под солнцем и будучи обласканным властью (в этом смысле у Ростроповича много общего с Сахаровым), бросить этой самой власти откровенный вызов, перчатку в лицо. Ведь нас всю жизнь учили «искусству побеждать» и психологии победителей, а при этом так вбивали в пол, чтобы аж до шляпки.

А для Славы геройство — обыденность. Я был свидетелем одного из таких поступков — его явления в Белый дом в августе 1991 года, когда всю прессу обошел снимок «человека с ружьем» — Ростроповича. Мне тогда казалось, что он был возбужден более, чем обычно. Но теперь я понимаю, что он пребывал в своем абсолютно нормальном и естественном состоянии — состоянии творческого подъема.

Вот уже пять лет, как волею судьбы мы вместе живем в Париже. Хотя я-то здесь живу, а для него это всего лишь транзит. В его квартире всегда стоит чемодан, посреди большой прихожей — виолончель в белом походном футляре на колесиках. Ясно, что вчера прилетел, а сегодня опять улетает. Бешеная работоспособность. Короткий сон. Непрерывные разъезды. Все расплывалось на годы вперед. При внешней неорганизованности этот график неукоснительно соблюдается, все идет точно, по минутам, и Слава никуда никогда не опаздывает.

Возвращались мы как-то в Париж из небольшого городка, в соборе которого Ростро-

пович делал запись. Слава уехал на микроавтобусе, так как туда вмещается виолончель, а Галина и их дочь Лена сели в мою машину. На подорожье у нас забарахлило сцепление, а потом мы вообще встали. В багажнике — чемодан Вишневской, так как в тот вечер они в очередной раз должны были куда-то лететь. Остановили попутный автомобиль, уговорили довезти Галину и Лену до Парижа. Ускорил и за мной из посольства прислали машину. К Ростроповичам я попал за 10 минут до их отъезда в аэропорт. Вдруг он: «Стойте, сегодня же у нас годовщина свадьбы, так что садимся пить шампанское». Никакой паники. Все в нервном напряжении, а Слава потрясающе спокоен...

Это уникальный человек. Ему нет равных в жизнелюбии и доброжелательности. С бешеной энергией Ростроповича никоим образом не соотносятся ни его возраст, ни какие-то там цифры, в том числе юбилейные. Он уже стал символом нашей эпохи. Никто иной, а именно Слава, вышедший победителем из схватки с тоталитаризмом, должен был играть на обломках Берлинской стены. Этот поступок — символ человека-символа.

Записал Виталий ДЫМАРСКИЙ (РИА «Новости») — специально для «ОГ» Париж

178